

ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС

Книга I

Мёртвый груз

Александр
Шаевич

Александр Шаевич

Последний рейс.
Книга I. Мертвый груз

«Автор»

2026

Шаевич А.

Последний рейс. Книга I. Мертвый груз / А. Шаевич — «Автор», 2026

Контейнеровоз «Ахерон» три дня стоит на карантинном рейде порта Хайфы. Официальная версия — эпидемия. Весь экипаж, двадцать три человека, мёртв. Ари Бен-Ари, бывший офицер израильской разведки, ныне частный оценщик страховых случаев, поднимается на борт по заданию страховой компании — рутинная работа, обычная процедура. Но первое же тело, найденное в трюме, не укладывается ни в один медицинский протокол. Чем глубже Ари копает, тем яснее становится: экипаж убили, чтобы скрыть содержимое груза, который никогда не должен был всплыть на поверхность. Кипрский оффшор, румынский посредник с тёмным прошлым в контрабанде оружия, и собственный работодатель, чьи интересы оказываются куда сложнее простого страхового полиса, — каждый следующий шаг стирает границу между расследованием и охотой, в которой Ари уже не наблюдатель, а мишень. Ему помогает Сара — женщина, которую он не видел десять лет и которую теперь должен защитить ценой всего, что у него осталось.

© Шаевич А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Александр Шавевич

Последний рейс. Книга I. Мертвый груз

Глава 1

Кабинет Элиаса Тори пах кожей и кондиционированным воздухом — той особой смесью, которая появляется только там, где деньги давно перестали быть проблемой. Ари Бен-Ари сидел напротив, на стуле чуть ниже, чем следовало бы для равного разговора, и уже по одному этому понимал: разговор не будет равным.

На стене за спиной Тори висели три диплома в одинаковых рамках — Тель-Авивский университет, курсы корпоративной безопасности в Лондоне, ещё что-то на иврите, слишком мелко, чтобы прочитать с такого расстояния. Ни одной личной фотографии. Ни семьи, ни собак, ни моря — ничего, что выдавало бы человека за пределами должности. Ари подумал, что либо у Тори действительно нет никакой жизни за пределами кабинета, либо он достаточно умен, чтобы никогда её здесь не показывать.

— Контейнеровоз «Ахерон», — сказал Тори, не поднимая глаз от папки. — Флаг Либерии. Пришёл из Пусана, должен был идти дальше на Пирей. Встал на карантинный рейд третьего дня. Весь экипаж — мёртв.

— Двадцать три человека, — уточнил Ари. Он уже прочитал сводку в такси, пока ехал в офис. Привычка бывшего оперативника — знать больше, чем показываешь.

— Двадцать три, — согласился Тори и наконец посмотрел на него. У него были светлые, почти прозрачные глаза — такие бывают у людей, которые давно научились не выдавать ничего лишнего. — Минздрав говорит: эпидемия. Что-то кишечное, привезли из порта в Юго-Восточной Азии. Дело закрыто с их стороны, судно на карантине до истечения инкубационного периода.

— И вам нужен я, чтобы оценить ущерб для страховки.

— Именно.

Ари помолчал, разглядывая собеседника. Он знал Тори три года — с тех пор, как начал брать заказы от GMT, чтобы закрыть долг, оставшийся после Лимассола. Три года он выплачивал его по частям, и Тори каждый раз находил для него новое дело ровно тогда, когда сумма на счету начинала выглядеть особенно неприлично. Совпадение, которое давно перестало казаться совпадением. Тори всегда говорил ровно, без пауз, без обмолвок. Человек, который просчитывает разговор на два хода вперёд и никогда не даёт собеседнику увидеть доску целиком.

— Странно, что вы выбрали меня, — сказал Ари. — У GMT есть штатные оценщики. Люди с лицензией, без репутации, которую нужно объяснять клиентам.

Тори чуть улыбнулся — ровно настолько, чтобы улыбка не показалась искренней.

— Штатные оценщики умеют считать тоннаж и амортизацию. Вы умеете находить то, что спрятано. А в этом деле, Ари, я подозреваю, что придётся именно искать.

— То есть вы уже не верите в кишечную инфекцию.

— Я верю в то, что мне нужен человек, который зайдёт на борт, посмотрит на цифры, подпишет отчёт для актуариев и уйдёт. — Тори закрыл папку. Жест был отработанным, как у человека, который привык завершать встречи одним движением руки. — Оценить ущерб, Ари. Не расследовать убийство. Если увидите что-то за пределами страхового интереса компании — это не ваша забота. Патологоанатомы и полиция разберутся сами.

— А если то, что за пределами интереса компании, окажется внутри трюма?

Тори не ответил сразу. Он взял ручку, покрутил её между пальцами — единственный жест, за все три года их знакомства выдававший хоть какое-то внутреннее движение. Ари отметил это про себя так же машинально, как отмечал бы направление ветра или расположение выходов в незнакомой комнате — привычка, которая осталась с ним куда дольше, чем сама служба.

— Тогда вы позвоните мне. Лично. Прежде чем звонить кому бы то ни было ещё.

Ари кивнул, хотя внутри уже отметил странность: слишком быстрый ответ для человека, который минуту назад говорил, что его не интересует ничего, кроме тоннажа.

— Хорошо. Я возьму дело.

— У вас есть выбор?

Вопрос был произнесён без злобы — просто как констатация факта, которую оба знали и без слов. Долг Ари перед GMT был не катастрофическим, но достаточным, чтобы компания могла сделать его жизнь неудобной одним звонком в банк. Тори никогда не напоминал об этом прямо. Ему и не нужно было.

— Выбор всегда есть, — сказал Ари, вставая. — Просто не всегда хороший.

Уже у двери он обернулся.

— Одна деталь. В сводке сказано, что последний штатный радиоконтакт с судном был зафиксирован за шесть часов до того, как портовая служба объявила тревогу. Шесть часов — долго для судна, идущего плановым маршрутом. Кто-то должен был заметить тишину раньше.

Тори посмотрел на него без всякого выражения.

— Возможно, у диспетчеров в тот день было много работы.

— Возможно, — сказал Ари и вышел.

Такси до порта заняло сорок минут по прибрежному шоссе, и всю дорогу Ари смотрел в окно, не столько разглядывая пейзаж, сколько прокручивая в голове разговор в кабинете Тори — не слова, а паузы между ними. Слишком быстрый ответ на вопрос про трюм. Слишком отработанный жест с ручкой. Человек, который двадцать лет учился ничего не выдавать лицом, редко забывает контролировать голос — а Тори на секунду забыл, и эта секунда стоила больше, чем весь остальной разговор.

Водитель такси включил радио — сводка новостей, что-то про очередное заседание кнессета, — и Ари выключил звук в голове, оставив только шум двигателя и мысль, которая крутилась настойчивее остальных: почему директор безопасности крупной страховой компании лично инструктирует полевого оценщика по рутинному делу об убытках, вместо того чтобы переслать распоряжение через секретаря.

Порт встретил его запахом соли, машинного масла и той особой смесью бюрократической духоты, которая скапливается вокруг любых государственных учреждений у моря. Администрация судоходства и портов занимала невзрачное здание в двух кварталах от причалов — и внутри было холоднее, чем снаружи, будто кондиционеры здесь работали не для комфорта, а чтобы напоминать посетителям о неумолимости процедуры.

— Вы понимаете, что такое карантинный протокол первого уровня? — спросил инспектор, молодой человек с усталыми глазами, которого явно назначили дежурить с этим делом не по своей воле. Он не поднимал взгляда от монитора, где на экране светился график санитарного контроля.

— Понимаю в общих чертах.

— Тогда вы понимаете, что доступ на борт ограничен строже, чем к любому режимному объекту в этой стране. — Инспектор наконец посмотрел на него. — Судно на внешнем рейде. Любой контакт — только в защитной экипировке, только с санкции Минздрава, только в сопровождении медицинского куратора. Никаких исключений для страховых оценщиков.

— Мне нужен доступ.

— Тогда вам нужен куратор. — Инспектор пролистал что-то в системе. — По этому делу назначена доктор Арис. Она сейчас на месте, в порту. Хотите — оставлю заявку, свяжется с вами в течение дня.

Ари ощутил лёгкий укол — имя, которое он не слышал десять лет, произнесённое буднично, как строчка в бюрократической форме.

— Сара Арис?

Инспектор пожал плечами, не заметив ничего странного в его тоне.

— Доктор Сара Арис, инспектор санитарного надзора. Знакомы?

— Когда-то, — сказал Ари. — Давно.

— Тогда вам повезло, — сказал инспектор, впервые за весь разговор отрываясь от монитора. — Она дотошнее всех остальных кураторов в администрации. Если она подписала санитарное заключение, значит, там всё чисто. Она таких вещей на бумаге не пропускает.

Ари промолчал, хотя эта случайная похвала прозвучала для него совсем не так, как рассчитывал инспектор. Дотошный человек, который тем не менее подписал заключение об эпидемии для судна, где, судя по всему, дело обстояло сложнее — это была не рекомендация, а первая трещина в официальной версии, которую Ари получил бесплатно, просто задав правильное имя в правильном месте.

Он вышел из здания администрации и остановился у ограждения, глядя на воду. Отсюда, с берега, «Ахерон» не был виден — он стоял слишком далеко, за линией внешнего рейда, там, где израильская бюрократия держала на карантине всё, что могло принести с собой невидимую угрозу. Судно было пятном на горизонте, серым силуэтом среди волн. Ари достал сигарету, не закуривая — просто вертел её в пальцах, привычка, оставшаяся с тех лет, когда он ещё курил, и возвращавшаяся всякий раз, когда дело начинало пахнуть не тем, чем должно было пахнуть на бумаге.

Шесть часов тишины перед тревогой. Куратор — женщина, которую он не видел десять лет и с которой их прошлое было устроено так, что о нём легче было не вспоминать. И директор безопасности страховой компании, который просил оценить ущерб, но при этом настойчиво просил звонить лично — прежде, чем звонить куда бы то ни было ещё.

Три детали, ни одна из которых не была случайной.

Он закурил всё-таки — первый раз за два года — и тут же затушил сигарету о край урны, не сделав больше одной затяжки. Достаточно, чтобы напомнить себе, зачем он бросил, и недостаточно, чтобы снова начать.

Ари достал телефон и набрал номер, который дал ему инспектор. Долгий гудок, потом ещё один. Наконец — голос, который он помнил лучше, чем хотел бы признать даже самому себе.

— Доктор Арис слушает.

— Сара, — сказал он. — Это Ари.

Пауза на другом конце линии была короче секунды, но достаточно длинной, чтобы он услышал в ней всё, что она не сказала вслух.

— Я слышала, что тебя могут прислать, — ответила она наконец, и голос её был ровным — слишком ровным для случайной встречи спустя десять лет. — Приходи в порт. Нам нужно поговорить, прежде чем ты поднимешься на борт.

— Сара, это просто оценка ущерба для страховой. Разговор много времени не займёт.

— Ты всегда так говорил перед делами, которые потом занимали месяцы, — сказала она, и в этой фразе было больше узнавания, чем ей, наверное, хотелось показать. — Приходи, Ари. И оставь этот тон для отчёта GMT — со мной он не работает.

Она отключилась раньше, чем он успел спросить, о чём.

Глава 2

Порт Хайфы в это время суток был похож на огромный ржавый механизм, который никогда не останавливается, но и не спешит. Краны двигались с ленивой методичностью, перегружая контейнеры с одних судов на другие, докеры в оранжевых жилетах перекрикивались через расстояние в полсотни метров, а в воздухе стоял тот особый запах — солёная вода, дизель, горячий металл, — который Ари всегда ассоциировал с местами, где ничего не происходит просто так.

Он нашёл её у административного пирса, там, где начинался служебный доступ к катерам санитарного контроля. Она стояла спиной к нему, в форменной куртке с эмблемой Минздрава, и смотрела на воду так, будто там, за линией буйков, можно было разглядеть что-то важное невооружённым глазом.

Десять лет. Ари готовился к этой встрече весь путь от здания администрации — прокручивал в голове варианты, репетировал безразличие, — но всё равно, когда она обернулась, что-то внутри него на секунду замерло, будто время дало короткий сбой.

Сара почти не изменилась. Разве что вокруг глаз добавилось несколько морщин — тех, что появляются не от возраста, а от многолетней привычки щуриться от солнца и от чужой лжи. Она смотрела на него без улыбки, но и без враждебности — с тем нейтральным профессиональным выражением, которое люди надевают, когда не знают, как реагировать иначе.

— Ты не постарел, — сказала она вместо приветствия. — Это раздражает.

— А ты выглядишь так, будто десять лет назад решила, что стресс тебе идёт, и с тех пор придерживаешься этого решения.

Уголок её рта дрогнул — почти улыбка, но не совсем.

— Всё такой же.

— А ты всё ещё куратор карантинных протоколов для судов с мёртвыми экипажами. Карьера удалась.

— Не язви, Ари. — Она снова повернулась к воде, и в этом жесте было что-то от старой привычки — не смотреть на него прямо, когда разговор становится неудобным. — Особенно сегодня.

Он подошёл ближе и встал рядом, глядя туда же, куда смотрела она — в сторону невидимой линии внешнего рейда, где стоял «Ахерон».

— Тори сказал, что мне нужен куратор для доступа на борт. Инспектор в администрации назвал твоё имя. Я думал, это совпадение.

— Это не совпадение, — сказала Сара тихо. — Я сама вызвалась на это дело.

Ари посмотрел на неё внимательнее. В её голосе была не просто профессиональная ответственность — что-то более личное, более тяжёлое, спрятанное за ровной интонацией.

— Почему?

Она помолчала, и в этой паузе Ари почувствовал знакомое ощущение — то самое, которое он всегда чувствовал в оперативной работе, когда собеседник взвешивает, сколько правды можно сказать, а сколько нужно оставить при себе.

— Потому что когда я увидела список судов на карантине и твоё имя в заявке от GMT, я решила, что лучше буду рядом, когда ты полезешь туда, куда не следует, — сказала она наконец. — У тебя такая привычка. Помнишь?

— Помню, — сказал он. — Обычно это заканчивалось тем, что ты меня вытаскивала из того, куда я залез.

— В этот раз может не получиться.

Слова прозвучали резче, чем она, судя по всему, планировала — и Ари уловил в них не метафору, а что-то буквальное. Он повернулся к ней всем корпусом.

— Сара. Что происходит?

— Ничего не происходит, — ответила она слишком быстро. — Судно на карантине. Экипаж мёртв от кишечной инфекции. Это трагедия, но это не заговор, Ари, не смотри на меня так, будто я что-то скрываю.

— Я и не говорил, что ты что-то скрываешь.

— Но думаешь.

— Я думаю, — сказал он медленно, — что человек, который добровольно вызывается курировать карантинный протокол для судна с двадцатью тремя трупами, обычно делает это либо из чувства долга, либо потому что боится, что кто-то другой найдёт там что-то, что не должен найти. И ты не производишь впечатления человека, который боится трупов, Сара. Ты производишь впечатление человека, который боится того, что за ними стоит.

Она долго молчала, глядя на воду. Кран где-то за её спиной со скрипом опустил контейнер на палубу баржи, и звук металла о металл разнёсся над гаванью резким, отрывистым эхом.

— Десять лет назад ты был лучшим оперативником, которого я знала, — сказала она наконец. — И ты был так уверен, что видишь всю картину целиком, что не заметил, как тебя подставили в Лимассоле. Не заметил, пока не стало слишком поздно для Юсуфа.

Имя ударило его сильнее, чем он ожидал. Он не слышал его вслух много лет — это имя было погребено где-то в той части памяти, куда он старался не заходить без крайней необходимости.

— К чему ты это сейчас?

— К тому, что ты снова уверен, что видишь картину целиком, — сказала она, и в её голосе впервые прорвалось что-то похожее на настоящий страх. — А ты не видишь. Ты видишь мёртвый экипаж и странную задержку в радиоконтакте, и тебе кажется, что это просто ещё одно дело. Но это не просто дело, Ари. Прошу тебя — сделай то, за чем тебя прислали, подпиши отчёт для страховой и уезжай домой.

— Тори сказал то же самое, почти слово в слово.

Что-то мелькнуло в её лице — быстрая тень, которую она попыталась скрыть, отвернувшись к катеру, который как раз пришвартовывался у пирса.

— Значит, Тори прав, — сказала она уже другим тоном, более formal, будто разговор вернулся в официальное русло. — Экипировка ждёт нас на катере. Протокол требует полного костюма биозащиты, respirator второго класса и сопровождения медицинского куратора на всё время нахождения на борту. Я иду с тобой.

— Раз ты настаиваешь на протоколе — ты явно не веришь в кишечную инфекцию.

— Я верю в протокол, — ответила она ровно. — Потому что протокол — единственное, что стоит между этим судном и берегом.

Они шли к катеру молча, и Ари прокручивал в голове её слова — не то, что она сказала, а то, как она это сказала. Профессиональная выдержка была отработана слишком хорошо, чтобы быть естественной; за ней угадывалось что-то удерживаемое сознательным усилием, как груз, который держат на вытянутых руках, зная, что рано или поздно руки устанут.

На катере, пока техник помогал им облачаться в защитные костюмы — плотный белый материал, respirator, перчатки, заклеенные скотчем на запястьях, — Сара работала методично, не глядя ему в глаза, проверяя каждую застёжку с тщательностью человека, который либо очень боится нарушить протокол, либо очень боится того, что случится, если протокол окажется недостаточным.

— Расскажи мне про Юсуфа, — сказал Ари тихо, когда техник отошёл к рубке катера за оставшимся снаряжением. — Ты никогда не рассказывала, что случилось после того, как меня отозвали.

Сара застыла на мгновение, её руки замерли над застёжкой на его манжете.

— Не здесь, — сказала она. — Не сейчас.

— Тогда когда?

— Когда мы оба будем живы достаточно долго, чтобы это имело значение, — ответила она и закончила застёгивать манжету резким, окончательным движением. — Костюм готов. Респиратор проверь сам — я не могу отвечать за твою беспечность, Ари, как не могла и десять лет назад.

В этой фразе было столько всего — упрёк, тревога, что-то похожее на нежность, которую она давно научилась прятать под сарказмом, — что Ари на секунду забыл про судно, про Тори, про мёртвый экипаж. Но лишь на секунду.

Катер отчалил от пирса, взяв курс на внешний рейд, туда, где серым пятном на горизонте стоял «Ахерон» — неподвижный настолько, что казалось, будто это не судно ждёт их, а вода вокруг него замерла нарочно, чтобы не потревожить то, что там осталось.

— Последний вопрос, — сказал Ари, глядя на приближающийся силуэт судна. — Если протокол — единственное, что стоит между этим судном и берегом, от чего именно он защищает? От инфекции? Или от чего-то другого?

Сара не ответила. Она смотрела вперёд, на воду, и её молчание было красноречивее любых слов.

Катер шёл ровным ходом, разрезая невысокую волну, и с каждой минутой силуэт «Ахерона» становился отчётливее — не просто серое пятно, а конкретная громада металла, вздымающаяся над водой на добрых пятнадцать метров, с ржавыми потёками вдоль бортов и штабелями контейнеров, идущими вверх такими же ровными рядами, как окна в спальном районе — только без единого огня. Ари насчитал шесть ярусов и бросил считать: выше начиналось небо, а не судно.

— Ты когда-нибудь была на борту таких судов раньше? — спросил он, чтобы прервать молчание, которое становилось тяжелее с каждой минутой.

— Дважды, — сказала Сара, не отрывая взгляда от приближающейся громады. — Оба раза — рутинные санитарные проверки. Просроченные сертификаты, пара случаев пищевого отравления среди экипажа. Ничего похожего на это.

— А протокол для мёртвого экипажа? Ты его когда-нибудь применяла?

— Только на учениях. — Она наконец повернулась к нему, и за стеклом респиратора её глаза казались чуть больше, чуть уязвимее, чем обычно. — Знаешь, что интересно в учениях, Ари? Там всегда предполагают одну причину смерти. Одну версию. На бумаге всё выглядит просто: обнаружили признаки эпидемии — изолировали — обработали — сняли карантин. Реальность так не работает.

— Что ты видела, когда впервые поднялась на борт?

Она отвернулась снова, и техник, управлявший катером, крикнул через плечо, что до борта осталось меньше пяти минут — нужно было закончить последнюю проверку снаряжения.

— Я видела двадцать три тела, разложенных в разных частях судна, — сказала Сара тихо, почти неслышно за гулом двигателя. — Не в одном месте, как было бы, если бы люди умирали постепенно, один за другим, в лазарете, куда их приносят товарищи. Они были там, где их застало — в машинном отделении, на мостике, в каютах. Как будто что-то случилось со всеми сразу.

Ари молча отметил про себя, что тела экипажа лежали не так, как лежат жертвы болезни. Он видел это раньше — в Ливане, в разбомблённых зданиях, — раскиданность вместо скученности, внезапность вместо агонии.

— Это не похоже на инфекцию, — сказал он.

— Нет, — согласилась Сара. — Не похоже. Но именно так я и написала в официальном отчёте, потому что мне так велели.

— Кто велел?

Катер начал сбрасывать скорость, разворачиваясь вдоль борта судна, туда, где с высоты спускался штормтрап — узкая верёвочная лестница, покачивающаяся на ветру ровно настолько, чтобы напомнить: подниматься по ней придётся самому, никто не поможет на середине пути.

— Поговорим об этом позже, — сказала Сара, и по тому, как быстро и твёрдо она это произнесла, Ари понял: разговор окончен не потому, что тема исчерпана, а потому что она физически не может продолжать его здесь, на глазах у техника и в двадцати метрах от борта «Ахерона».

Он посмотрел вверх, на нависающую над ними стену ржавого металла, на штормтрап, уходящий в серое небо, и заметил, что его собственная рука на поручне катера сжалась чуть крепче, чем требовалось для равновесия.

— После вас, доктор Арис, — сказал он, кивая на трап.

— Всегда джентльмен, — ответила она с горькой ноткой иронии в голосе и первой начала подниматься.

Глава 3

Штурмтрап оказался тяжелее, чем выглядел снизу — влажные верёвки скользили под перчатками, а костюм биозащиты, герметично облегающий тело, сковывал движения ровно настолько, чтобы каждый шаг требовал сознательного усилия. Ари поднимался вслед за Сарой, стараясь не смотреть вниз, туда, где катер уже отходил от борта, оставляя их наедине с громадой ржавого металла.

Наверху их встретил портовый инспектор в такой же защитной экипировке — невысокий мужчина с планшетом в руках, представившийся сухо, одной фамилией: Коэн. Он проверил печати на костюмах, сверил документы с реестром и, не тратя времени на формальности, повёл их через палубу к надстройке.

— Протокол требует, чтобы вы держались в пределах отведённого маршрута, — сказал он, не оборачиваясь. — Машинное отделение, мостик и жилой блок экипажа опечатаны для судебной экспертизы. Груз в пределах видимости, но без вскрытия контейнеров — это не в компетенции страхового оценщика.

— А если в компетенции окажется что-то, что требует вскрытия? — спросил Ари.

Коэн наконец обернулся, и за стеклом респиратора Ари увидел взгляд человека, который явно устал повторять одно и то же разным людям.

— Тогда вы составите официальный запрос, и вопрос решится не сегодня. — Он снова пошёл вперёд. — Мёртвые не спешат, господин Бен-Ари. У нас есть время.

Ари промолчал, хотя внутренне отметил формулировку — мёртвые не спешат — как нечто, произнесённое слишком легко для человека, который провёл на этом судне уже не первый день.

Палуба «Ахерона» была огромной — метров триста в длину, если не больше, — и штабеля контейнеров возвышались над ними ярусами, отбрасывая длинные тени в предвечернем свете. Тишина здесь была совсем другой, чем в порту: не отсутствие звука, а его особая, зловещая плотность — скрип металла под ветром, отдалённый плеск воды о борт, редкий стон снастей где-то на корме. Ари уже бывал на местах массовой гибели людей — в Ливане, в Газе, однажды в разбомблённом здании на Кипре, — но там всегда было движение: спасатели, крики, суeta оцепления. Здесь же царила абсолютная неподвижность, будто время на борту остановилось в момент, когда умер последний человек, и с тех пор ничего не менялось, кроме положения солнца на небе.

— Сколько дней судно стоит на рейде? — спросил он у Коэна.

— Пятый день.

— И тела до сих пор на борту?

— Судебные медики забрали образцы для анализа в первый день. Полное извлечение тел запланировано после снятия карантина — таков протокол при подозрении на инфекционную угрозу. Никто не хочет рисковать перевозкой потенциально заражённых останков через открытую воду без крайней необходимости.

Ари посмотрел на Сару, которая шла рядом, глядя себе под ноги с той сосредоточенностью, с которой люди обычно избегают смотреть куда-либо ещё.

— Ты видела образцы анализов? — спросил он тихо.

— Только предварительные результаты, — ответила она, не поднимая глаз. — Официальная версия основана на симптоматике, описанной портовым врачом, который первым поднялся на борт. Полный токсикологический анализ ещё не завершён.

— Симптоматика без токсикологии — это не диагноз, это предположение.

— Это протокол, Ари. Иногда предположение — всё, что у нас есть в первые дни.

Они прошли мимо ряда опечатанных дверей, ведущих, судя по табличкам, в служебные помещения нижней палубы, и поднялись по внешней лестнице к надстройке — той части судна, где располагались капитанский мостик и жилые каюты экипажа. Здесь, у подножия лестницы, Ари впервые увидел жёлтую полицейскую ленту, натянутую поперёк входа, с надписью на иврите и английском: место преступления, вход воспрещён.

— Место преступления, — прочитал он вслух. — Не место эпидемии.

Коэн остановился, явно недовольный тем, что Ари это заметил.

— Формальность, — сказал он после паузы, которая была чуть длиннее, чем требовалось для формальности. — Любая необъяснённая массовая смерть классифицируется двойным протоколом — санитарным и криминалистическим, до тех пор пока причина не установлена окончательно. Это стандартная процедура.

— Стандартная процедура для инфекции, — заметил Ари, — обычно не требует полицейской ленты и опечатанных дверей на пять дней вперёд.

Коэн не ответил. Он просто повёл их в обход, вдоль внешнего борта, туда, где начинались грузовые трюмы — та часть судна, куда, по его словам, доступ был разрешён без дополнительных согласований.

Пока они шли, Ари внимательно разглядывал всё, что попадалось на глаза: брошенные на палубе рабочие перчатки, будто их владелец снял их в спешке и не вернулся; открытый ящик с инструментами возле одного из вентиляционных люков, инструменты разбросаны, словно кто-то начал работу и не закончил её; тёмное пятно на металле палубы, у основания одной из лестниц, которое давно высохло, но форма которого — растянутая, неровная, с более тёмным центром — не была похожа на естественное пятно ржавчины или машинного масла.

— Что это? — спросил он, останавливаясь.

Сара подошла ближе и присела на корточки рядом с пятном, изучая его с профессиональной сосредоточенностью.

— Похоже на кровь, — сказала она тихо. — Старую, высохшую.

— Много крови для смерти от кишечной инфекции.

— Люди иногда падают в предсмертной агонии, — сказала она, но в её голосе не было убеждённости. — Ударяются о металл. Разбивают голову.

— Или их бьют по голове, — сказал Ари, — и симптомы этой раны потом легко списать на посмертное повреждение, если тело найдут через несколько дней и никто не станет присматриваться слишком внимательно.

Коэн, услышав это, развернулся к ним с явным раздражением.

— Господин Бен-Ари, я повторяю: вы здесь для оценки материального ущерба, а не для криминалистической экспертизы. Судебные медики уже осмотрели каждый сантиметр этой палубы. Если бы здесь было что-то подозрительное, поверьте, они бы это заметили.

— Может быть, они заметили, — сказал Ари спокойно, не отводя взгляда от инспектора. — Может быть, просто не всем в этом деле выгодно, чтобы об этом узнали страховые оценщики.

Повисла тишина — та особая тишина, что возникает, когда сказанное вслух оказывается слишком близко к правде, чтобы его можно было легко опровергнуть. Коэн ничего не ответил. Он просто указал рукой в сторону трюмов и пошёл вперёд, оставив последнее слово за Ари.

Сара, поднимаясь с корточек, на секунду задержала руку на плече Ари — жест, который был скорее предупреждением, чем утешением.

— Не дави на него, — прошептала она, когда Коэн отошёл на достаточное расстояние. — Он не главный здесь. Он просто исполняет распоряжения.

— Чьи распоряжения?

Она не ответила, но по тому, как быстро она отвела взгляд и ускорила шаг, следуя за инспектором, Ари понял: это не был вопрос, на который у неё не было ответа. Это был вопрос,

ответ на который она пока не готова была произнести вслух — здесь, на открытой палубе, где даже стены контейнеров, казалось, могли слышать слишком много.

Они спускались к грузовым трюмам вдоль узкого технологического прохода между рядами штабелей, и с каждым шагом сумерки сгущались быстрее, чем должны были в это время года — будто сама громада судна отбрасывала не просто тень, а нечто более плотное, обволакивающее звук и свет. Ари поймал себя на мысли, что вслушивается в тишину не как страховой оценщик, ищущий признаки материального ущерба, а как оперативник, ожидающий, что тишина в любой момент может смениться движением — резким, внезапным, непредсказуемым.

Где-то впереди, в глубине трюмного прохода, скрипнула сталь — не от ветра, а от чего-то более определённого, более похожего на шаг.

Коэн остановился, вслушиваясь.

— Крысы, — сказал он после паузы, но голос его был не так уверен, как формулировка.

Ари промолчал, но рука его непроизвольно легла на пояс — туда, где под защитным костюмом, вопреки всем протоколам биобезопасности, он предусмотрительно спрятал маленький складной нож, единственное, что смог пронести мимо досмотра портовой службы.

Впереди, за поворотом прохода, начинался вход в первый ряд трюмов — туда, где, по словам Коэна, находилась основная часть груза «Ахерона». Ари прибавил шаг, не дожидаясь приглашения.

Коэн остановился у массивной металлической двери, ведущей в грузовой отсек номер три, и принялся возиться с электронным замком, освещая цифровую панель фонариком.

— Здесь начинается основной груз, — сказал он, не оборачиваясь. — Промышленное оборудование, текстиль, партия бытовой электроники. Всё задекларировано, всё соответствует манифесту. Я покажу вам доступные для осмотра секции, вы составите предварительную опись повреждений от простоя, и на сегодня мы закончим.

— А контейнеры, которые не входят в доступные для осмотра секции? — спросил Ари.

— Таких нет, — ответил Коэн, слишком быстро для человека, уверенного в собственных словах.

Дверь с тяжёлым металлическим стоном отворилась, и в лицо им пахнуло застоявшимся, спёртым воздухом трюма — смесью ржавчины, машинного масла и чего-то ещё, сладковато-приторного, что Ари узнал сразу же, хотя предпочёл бы этого не узнавать. Запах разложения, приглушённый низкой температурой трюма, но всё равно достаточно отчётливый, чтобы его невозможно было спутать ни с чем другим.

Сара замерла на пороге, и Ари увидел, как её пальцы в защитных перчатках непроизвольно сжались в кулак.

— Здесь есть тела, — сказала она тихо. — Ты чувствуешь?

— Чувствую, — ответил Ари. — Коэн, вы говорили, что все тела извлечены из грузовых отсеков в первый день.

Инспектор остановился в дверях, и на мгновение — очень короткое, но достаточно заметное — его уверенная профессиональная маска дала трещину.

— Возможно, судебные медики что-то пропустили, — сказал он наконец. — Отсек большой. Осмотр в защитных костюмах при плохом освещении не идеален.

— Или, — сказал Ари, включая фонарь на своём костюме и делая шаг внутрь, туда, откуда исходил запах, — кто-то знал, что здесь есть тело, и предпочёл, чтобы его не нашли до того, как судебные медики закончат составлять официальную версию.

Луч фонаря скользнул по штабелям контейнеров, по узким проходам между ними, и остановился на чём-то, лежащем в тени между двумя рядами, — тёмная фигура, неестественно скрюченная, в позе, которую живое тело никогда не примет добровольно.

Сара за его спиной резко втянула воздух через респиратор.

Ари стоял неподвижно несколько секунд, разглядывая находку. Затем достал телефон и сделал первый снимок, ещё до того, как в голове сложилось слово «убийство» — руки уже знали, что делать, раньше, чем разум успел это признать.

Глава 4

Тело принадлежало мужчине лет тридцати, судя по комплекции и остаткам формы механика, всё ещё различимой под пятнами разложения. Он лежал на боку, между двумя рядами контейнеров, в узком технологическом проходе, где свет почти не проникал даже днём, — и именно поэтому, подумал Ари, его не нашли в первый день. Судебные медики, работавшие в спешке, при плохом освещении, в неудобных защитных костюмах, вполне могли пропустить тело, задвинутое в тень между грузовыми рядами. Вполне могли — если только не хотели найти его.

— Не подходи ближе, — сказал Коэн резко, доставая рацию. — Мне нужно связаться с судебной группой немедленно. Это нарушение протокола осмотра места происшествия.

— Тело нашли мы, — сказал Ари, не двигаясь с места, но и не отступая. — Значит, у нас есть законное право зафиксировать его состояние, прежде чем сюда явится ещё одна группа в защитных костюмах и снова всё перепутает.

— Господин Бен-Ари, я настоятельно

— Дайте мне тридцать секунд, — сказал Ари, уже присев на корточки рядом с телом, стараясь держаться на безопасном расстоянии, но достаточно близко, чтобы разглядеть детали. — Тридцать секунд, Коэн, и я обещаю не трогать ничего руками.

Инспектор колебался, рация в его руке подрагивала — то ли от нерешительности, то ли от того, что он ждал, что кто-то на другом конце связи скажет ему, как поступить в ситуации, которая явно не была предусмотрена стандартными инструкциями.

Сара опустила руку рядом с Ари, включив собственный фонарь, и её профессиональная выучка на мгновение победила потрясение.

— Судя по степени разложения, смерть наступила примерно тогда же, когда и у остальных членов экипажа, — сказала она тихо, скользя лучом фонаря вдоль тела. — Пять, может быть шесть дней назад.

— Совпадает с временем последнего радиоконтакта, — заметил Ари. — Шесть часов тишины перед тем, как портовая служба объявила тревогу. Что бы здесь ни случилось, случилось быстро и одновременно для всего экипажа.

Он наклонился ближе, разглядывая одежду мужчины — рабочий комбинезон, испачканный машинным маслом, разорванный на боку не так, как рвётся ткань от случайного зацепа за металл, а так, как рвётся ткань, когда сквозь неё проходит что-то острое.

— Сара, посвети сюда.

Она направила луч фонаря на разрыв, и оба замерли, разглядывая то, что открылось под ним: рана, узкая и глубокая, с ровными краями, какие оставляет лезвие, а не случайное падение или предсмертная агония от инфекции. Вокруг раны кожа была тёмной, но не той равномерной тёмнотой разложения, что покрывала остальное тело, — а концентрированной, с чёткими границами, характерными для прижизненного кровоизлияния.

— Это не посмертное повреждение, — сказала Сара едва слышно.

— Это ножевое ранение, — сказал Ари. — Нанесённое, когда сердце ещё билось достаточно, чтобы кровь успела разойтись под кожей вокруг раны. Умиравший от кишечной инфекции человек так не выглядит, Сара. Так выглядит человек, которого убили.

Коэн, до этого момента державшийся на расстоянии, шагнул ближе, несмотря на собственные протесты минуту назад, и, увидев рану, побледнел настолько заметно, что это читалось даже сквозь запотевшее стекло респиратора.

— Этого не было в первоначальном отчёте, — сказал он тихо, будто говоря сам с собой, а не с ними.

— Значит, кто-то составлял первоначальный отчёт, не заглядывая в этот угол трюма, — сказал Ари, поднимаясь на ноги. — Или заглядывал, но решил, что колотая рана менее удобна для официальной версии, чем инфекция.

— Я не составлял этот отчёт, — сказал Коэн, и в его голосе впервые прозвучало что-то похожее на настоящую тревогу, не бюрократическую, а личную. — Я просто сопровождаю визиты на борт. Отчёт составляли судебные медики Минздрава и представитель Администрации судоходства.

— Кто именно?

Коэн взглянул на Сару, будто ожидая от неё разрешения ответить, и этот взгляд не укрылся от Ари.

— Не важно кто, — сказала Сара быстро, прежде чем инспектор успел произнести имя. — Важно, что теперь у нас есть основание требовать полного пересмотра классификации инцидента. Колотая рана — это не то, что можно списать на протокол биологической угрозы.

— Именно поэтому кто-то предпочёл, чтобы это тело осталось в тени, — сказал Ари, глядя на неё в упор. — И этот кто-то знал, что здесь есть, что скрывать, задолго до того, как я поднялся на борт с заданием оценить материальный ущерб.

Он достал телефон в водонепроницаемом чехле — единственное устройство, разрешённое протоколом внутри карантинной зоны, — и сфотографировал рану с нескольких ракурсов, стараясь зафиксировать детали прежде, чем кто-либо успеет вмешаться.

— Что вы делаете? — спросил Коэн, напряжённо наблюдая за ним.

— Оцениваю материальный ущерб, — сказал Ари ровно. — Мёртвый механик — это тоже часть груза, которую придётся объяснять страховой компании. А заодно я фиксирую, что официальная версия эпидемии не выдерживает элементарной проверки на месте.

Коэн отступил на шаг, поднося рацию к респиратору.

— Мне нужно доложить об этом руководству немедленно.

— Доложите, — сказал Ари. — И заодно спросите руководство, почему судебные медики пропустили тело с ножевым ранением в собственном отчёте о естественной причине смерти.

Инспектор быстро заговорил в рацию приглушённым голосом, отойдя на несколько шагов вглубь прохода, и Ари воспользовался паузой, чтобы повернуться к Саре.

— Ты знала, — сказал он тихо, чтобы Коэн не услышал. — Не про эту конкретную рану. Но ты знала, что официальная версия не соответствует тому, что на самом деле произошло на этом судне.

Сара молчала дольше, чем требовалось для простого отрицания.

— Я подозревала, — сказала она наконец. — Слишком много деталей не сходилось. Слишком быстро закрыли расследование. Слишком настойчиво требовали, чтобы я подписала санитарное заключение, не дожидаясь полного токсикологического анализа.

— Кто требовал?

— Не здесь, — сказала она, бросив быстрый взгляд в сторону Коэна, который всё ещё что-то напряжённо обсуждал по рации в нескольких метрах от них. — Я расскажу тебе, но не на этом судне, где, кажется, у стен есть уши, а у теней — глаза.

Ари посмотрел на тело механика, на разорванный комбинезон, на тёмное пятно застывшей крови вокруг узкой раны. Рутинная оценка материального ущерба, с которой начиналось это утро, только что перестала существовать — вместо неё осталось дело, из которого, он это уже понимал, просто так выйти не получится.

— Хорошо, — сказал он. — Но обещай мне одно, Сара: когда придёт время рассказать, ты расскажешь всё. Не часть. Не удобную версию для протокола. Всё.

Она встретила его взгляд, и в её глазах промелькнуло что-то похожее на застарелую вину, смешанную с решимостью.

— Обещаю, — сказала она. — Но ты не представляешь, во что мы оба ввязываемся, Ари. И я не уверена, что кто-то из нас выйдет из этого невредимым.

Позади них Коэн закончил разговор по рации и обернулся, его лицо было напряжено так, как не бывает напряжено лицо человека, получившего простое распоряжение зафиксировать находку в протоколе.

— Нам нужно немедленно покинуть трюм, — сказал он. — Осмотр окончен на сегодня.

— Чьё это распоряжение? — спросил Ари.

Коэн не ответил, но по тому, как быстро он двинулся к выходу, не дожидаясь ответа, Ари понял: кто-то наверху уже знал о находке быстрее, чем должен был знать при обычной процедуре, — и этот кто-то явно не был рад тому, что тело механика больше не оставалось незамеченным в тени грузового трюма.

Они шли обратно к штормтрапу в молчании, и это молчание было плотнее, чем то, что стояло над палубой при их прибытии. Коэн держался впереди, время от времени поглядывая на часы, будто торопился успеть к какому-то невидимому графику, а Сара шла рядом с Ари, глядя себе под ноги с выражением человека, который только что принял решение, ещё не до конца осознав всех его последствий.

У выхода на палубу их встретил ещё один человек в защитном костюме — судя по нашивке на плече, представитель Администрации судоходства, — который сразу же перехватил Коэна и заговорил с ним вполголоса, быстро, почти скороговоркой. Ари не расслышал слов, но заметил, как инспектор несколько раз кивнул, а затем бросил в их сторону быстрый, настороженный взгляд.

— Что-то не так? — спросил Ари, приблизившись.

— Ничего, — ответил представитель администрации слишком быстро. — Просто уточняем протокол дальнейшего доступа. С завтрашнего дня осмотр груза потребует дополнительного согласования на уровне руководства.

— То есть меня не пустят на борт без разрешения сверху.

— Таковы новые инструкции, — сказал он, не глядя Ари в глаза. — Это временная мера предосторожности, учитывая обнаруженные обстоятельства.

Ари обменялся взглядом с Сарой — коротким, но достаточно красноречивым, чтобы оба поняли одно и то же: кто-то, узнав о находке тела с ножевым ранением, отреагировал не расследованием, а немедленным ограничением доступа для человека, который это тело нашёл.

Они спустились по штормтрапу к ожидающему катеру в полном молчании, и только когда судно отошло на достаточное расстояние от борта «Ахерона», Сара наконец заговорила, понизив голос настолько, что его было едва слышно за шумом двигателя.

— Ты понимаешь, что произошло там, наверху? — спросила она. — В течение десяти минут после того, как мы нашли тело, кто-то уже отдал распоряжение ограничить твой доступ на судно. Это не бюрократическая случайность, Ари. Это реакция человека, который следит за этим делом гораздо внимательнее, чем должен следить куратор рутинной страховой оценки.

— Тори, — сказал Ари тихо, глядя на удаляющийся силуэт «Ахерона» за кормой катера.

— Возможно, — ответила Сара. — А возможно, кто-то ещё, чьё имя тебе только предстоит узнать. Но кто бы это ни был, теперь он знает, что ты не остановишься на подписании страхового отчёта. И это делает тебя опасным — для него, и, боюсь, для меня тоже, раз я привела тебя на борт.

Ари ничего не ответил, глядя на воду, разрезаемую носом катера, и думая о разорванном комбинезоне механика, о ровных краях узкой раны, о шести часах молчания в радиоэфире перед тем, как мир узнал о трагедии на борту «Ахерона». Что бы ни началось этим утром как рутинная оценка ущерба, теперь оно превращалось в нечто иное — и он чувствовал, что путь назад, к спокойному подписанию отчётов для страховых актуариев, был уже закрыт для них обоих.

Глава 5

Офис компании «Понтос Лоджистикс» занимал третий этаж невзрачного здания в двух шагах от грузового терминала Пирея — с виду обычная контора морского экспедитора, каких в порту десятки: жалюзи, выцветшие календари с расписанием паромов на стенах, запах растворимого кофе из соседней комнаты. Именно эта обыченность и была смыслом вывески. Виктор Гроссу давно усвоил: лучшее прикрытие — не то, что прячется, а то, что скучно смотреть.

Двенадцать лет назад он носил другую форму — форму румынской военной разведки, отдел, название которого давно упразднили вместе с самим ведомством при очередной реформе. Он ушёл не по собственной воле и не из-за скандала, как многие его бывшие коллеги, а потому что вовремя понял: страна, которой он служил, платила меньше и требовала больше с каждым годом, а рынок, на котором он оказался после отставки, был устроен ровно наоборот. Логистика оружия оказалась той же профессией, которой он занимался в форме, только теперь клиентов он выбирал сам, а не по приказу сверху.

Он сидел за столом, разложив перед собой три телефона — обычный, для звонков жене в Бухарест, раз в неделю по воскресеньям; рабочий, для клиентов «Понтос Лоджистикс»; и третий, зашифрованный, с единственным контактом, записанным под именем цветочного магазина. Именно этот телефон завибрировал, и Гроссу отложил чашку кофе, не донеся её до рта.

— Слушаю, — сказал он по-английски, с едва уловимым румынским акцентом, который двадцать лет жизни в Европе так и не стёрли до конца.

— Задержка, — произнёс голос на другом конце. Мужской, ровный, без имени и приветствия — так, как разговаривали люди, которые давно решили, что представляться друг другу лишний риск. — «Ахерон» стоит в Хайфе пятый день. Карантинный протокол.

— Пятый, — повторил Гроссу, делая пометку в блокноте, лежавшем рядом с телефонами. Он не любил цифровые заметки — бумага не оставляла следов в облаке, а сгоревший блокнот не восстанавливался никакой экспертизой. — Мы рассчитывали на два дня простоя, максимум три. Что случилось на пятый?

— Инспектор страховой компании поднялся на борт вчера. Куратор — местный санитарный врач, женщина. Оценщик задавал вопросы не по протоколу.

Гроссу медленно откинулся на спинку стула. За окном виднелась гавань — сотни контейнеров, сложенных в аккуратные штабеля, краны, работающие с методичностью часового механизма. Он любил эту картину: порт был единственным местом, где хаос всегда подчинялся расписанию, если знать, куда смотреть.

— Кто нанял оценщика?

— GMT. Страховая компания, застраховавшая груз через панамского посредника.

— Это ожидаемо, — сказал Гроссу. — Меня беспокоит не сам факт оценки. Меня беспокоит слово «не по протоколу».

Пауза на другом конце линии была короче секунды, но достаточно длинной, чтобы Гроссу понял: собеседник придерживал часть информации, взвешивая, стоит ли делиться ею сейчас или лучше позже, если ситуация ухудшится.

— Оценщик — бывший офицер израильской разведки. Ушёл со службы несколько лет назад, после провала операции на Кипре. Частный следователь, работает на GMT по контракту.

Гроссу записал это в блокнот аккуратным, убористым почерком — не потому что не доверял памяти, а потому что вещи, записанные рукой, обдумывались иначе, медленнее, тщательнее.

— Бывший офицер разведки, — повторил он вслух. — Не самый удобный выбор для рутинной оценки ущерба.

— GMT утверждает, что выбор случаен.

— В нашем деле, — сказал Гроссу, — случайности случаются только с людьми, которые их не готовили. Что он успел увидеть на борту?

— Пока неизвестно. Куратор ограничила ему доступ после первого визита.

— По чьему распоряжению?

— Неясно.

Гроссу поставил в блокноте вопросительный знак — единственный символ, который он позволял себе как выражение эмоции на бумаге. Неясность в цепочке, где каждое звено должно было отчитываться перед следующим с точностью корабельного хронометра, тревожила его больше, чем прямая угроза. Прямую угрозу можно устранить. Неясность нужно сначала понять, а на это уходило время, которого у схемы становилось всё меньше.

— Груз готов к передаче? — спросил он.

— Груз на месте. Контейнер номер семь-два-три, второе дно, маркировка бытовой электроники.

— Хорошо. — Гроссу открыл вторую папку на столе, тонкую, без опознавательных знаков, и пролистал несколько страниц с расписанием. — Дамаск ждёт подтверждения к пятнице. Консорциум — на следующей неделе, у них своя логистика через Кипр. Если задержка растянется дольше, чем на неделю, обе стороны начнут задавать вопросы, на которые у меня нет ответов, устраивающих обе стороны одновременно.

— Продать дважды — риск, который вы приняли сознательно.

— Продать дважды — единственный способ получить достаточно денег, чтобы исчезнуть навсегда после этой сделки, — сказал Гроссу спокойно, без раздражения, тем же тоном, каким обсуждал бы расписание паромов. — Риск я просчитал. Чего я не просчитывал — бывшего офицера разведки, задающего вопросы не по протоколу, на судне, где двадцать три трупа должны были молчать по меньшей мере ещё неделю.

Он замолчал, глядя в окно на гавань, и мысленно раскладывал ситуацию, как раскладывал бы контейнеры на палубе — по весу, по срочности, по тому, какой из них можно временно оставить без внимания, а какой требует немедленного решения.

— Куратор, — сказал он наконец. — Санитарный врач. У неё есть имя?

— Доктор Сара Арис.

— Проверьте её. Полностью. Финансы, семья, старые связи. Если оценщик — бывший разведчик, а куратор ограничивает ему доступ вместо того, чтобы просто выполнять протокол, значит между ними есть что-то, чего нет в официальных документах.

— Будет сделано.

— И ещё, — добавил Гроссу, беря чашку остывшего кофе и делая наконец глоток. — Свяжитесь с человеком в порту Хайфы. Тем, кто должен был обеспечить нам ещё три дня простоя без лишнего внимания. Мне нужно знать, почему протокол сработал иначе, чем нам обещали.

— Он на связи. Говорит, что ситуация под контролем.

— Ситуация под контролем ровно до тех пор, пока кто-то, кроме нас, в это не поверит, — сказал Гроссу. — Передайте ему: если контроль означает бывшего разведчика с камерой телефона на борту, я хочу услышать другое определение слова «контроль». И спросите, откуда он вообще получает распоряжения — потому что до сих пор я полагал, что порядок в Хайфе обеспечивают деньги, а не совпадения.

Голос на другом конце помолчал секунду дольше обычного, и это молчание сказало Гроссу больше, чем прямой ответ: значит, человек в Хайфе действительно был не последним звеном в цепочке, а промежуточным — кем-то, кто сам получал распоряжения сверху, из источника, о котором Гроссу пока не знал.

— Уточню, — сказал голос наконец.

— Уточните, — повторил Гроссу. — И на этот раз — быстро.

Он положил зашифрованный телефон на стол экраном вниз — привычка, оставшаяся с тех лет, когда он ещё носил форму и учился не доверять устройствам, даже выключенным, — и придвинул к себе вторую папку, ту, что была потолще первой. Внутри лежали фотографии двух людей: сирийского посредника, представлявшего интересы регионального блока, и опрятного мужчины в костюме без единой складки — представителя того, что в переписке обозначалось просто «консорциум», без лишних подробностей о том, какие именно государства и компании стояли за этой аббревиатурой.

Гроссу разложил обе фотографии рядом на столе и разглядывал их так, как разглядывал бы два предложения о работе, каждое со своими преимуществами и рисками. Дамаск платил быстрее и без лишних вопросов, но представитель регионального блока имел привычку решать споры не переговорами, а людьми с оружием, и Гроссу не питал иллюзий насчёт того, что случится с посредником сделки, если груз не окажется там, где обещано, в срок. Консорциум платил медленнее, через три посреднических счёта и швейцарского адвоката, но действовал с холодной, корпоративной методичностью — если бы они узнали о двойной продаже раньше срока, они не стали бы стрелять. Они просто исчезли бы из сделки, забрав с собой половину денег через какой-нибудь пункт договора, написанный мелким шрифтом, который Гроссу, при всей своей осторожности, мог и не заметить.

Два покупателя. Один товар. Гроссу давно понял, что подобные схемы работают ровно до того момента, пока обе стороны не садятся за один стол и не сравнивают даты поставки — и весь его план строился на том, чтобы этот момент наступил уже после того, как деньги окажутся на счетах, недоступных ни для кого, включая его самого, ещё в течение полугода, достаточного, чтобы исчезнуть без следа.

Задержка в Хайфе ломала этот расчёт не катастрофически, но ощутимо — как трещина в стекле, которая пока держит форму, но с каждым днём становится немного шире.

Гроссу достал третий, обычный телефон — тот, что предназначался для звонков жене — и посмотрел на него несколько секунд, не набирая номер. Сегодня было не воскресенье. Но ему вдруг захотелось услышать голос, никак не связанный с контейнерами, покупателями и трупами на карантинном судне — голос из той жизни, которую он планировал начать заново через несколько недель, если всё пойдёт по плану.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.